

Б.П. Миловидов

ФАРФОРОВАЯ ИСТОРИЯ «ПОЛКОВНИКА» ДЕ ПЮИБЮСКА: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Вопрос об использовании военнопленных наполеоновской армии в экономике России в последние годы неоднократно становился предметом внимания исследователей¹. В целом надежды правительства на то, что обладавшие технологическими знаниями и навыками бывшие солдаты Бонапарта будут способствовать развитию отечественной промышленности, не оправдались. Пожалуй, ближе всего к успеху удалось подойти в области фарфорового производства, ибо в российском плену оказался французский военный комиссар виконт Луи Гийом де Пюибюск, проживавший в 1813 г. в Могилеве².

8 апреля 1813 г. Пюибюск написал на имя министра внутренних дел письмо, в котором сообщал, что он является автором некоего изобретения, суть которой изложена в особой прилагаемой записке. Изобретение это – недорогой способ печати изображений на фарфоре. Оно удешевляло продукцию, заменяя труд живописцев, и позволяло сделать производство массовым. Пюибюск предлагал в обмен на передачу секрета освободить его вместе с сыном из плена, обещая при этом посвятить себя полностью семейным делам. Если его предложение будет принято, то Пюибюск просил организовать безопасное путешествие его вместе с сыном в Петербург³.

Под письмом Пюибюск обозначил свою должность: «[ommissaire]re des g[uerres] de 1re classe ayant grade de colonel», из-за чего в русских официальных бумагах его часто называют полковником.

Пюибюск действительно имел отношение к фарфоровому и фаянсовому производству. В 1808–1810 гг. он был владельцем (вместе с неким

Méry) одной из небольших фабрик в Севре по производству фаянсовой посуды по доступным ценам, украшенной печатными рисунками. Фабрика эта была основана в самом конце XVIII в. тоже как производство фаянсовой посуды в английском стиле, хотя некоторое время производила и фарфор. В 1810 г. предприятие перешло к другому владельцу и в 1815 г. прекратило свое существование. Его изделия по причине редкости и качества ценятся коллекционерами⁴.

Судьба письма Пюибюска оказалась печальной. Могилевский гражданский губернатор Д.А. Толстой 21 апреля отправил его не министру внутренних дел О.П. Козодавлеву, а министру финансов Д.А. Гурьеву⁵. Гурьев был одновременно управляющим Кабинетом Его Императорского Величества, в ведении которого находился и Императорский фарфоровый завод в Петербурге, о чем Толстой, конечно, знал. Но дело не только в этом. И Толстой и Гурьев принадлежали к одному аристократическому клану, во главе которого стоял фельдмаршал Н.И. Салтыков – могилевский губернатор приходился ему двоюродным братом, министр финансов был женат на одной из Салтыковых, причем позднее сын Д.А. Гурьева женился на племяннице Д.А. Толстого. И кроме того, в подчинении Министерства внутренних дел находилась Киево-Межигорская фаянсовая фабрика, потенциальный конкурент Императорского фарфорового завода прежде всего в производстве недорогой продукции, рассчитанной на относительно широкий спрос. Основной же проблемой Императорского фарфорового завода были трудности с налаживанием выпуска именно такого ассортимента. Попытки усовершенствовать фарфоровое производство путем привлечения иностранных мастеров, сделать его более массовым и доходным предпринимались Гурьевым на протяжении всего царствования Александра I. В этих условиях попытка «обойти» на бюрократических поворотах адресата письма – Козодавлева, выглядит вполне объяснимо.

Однако реакции со стороны Гурьева на письмо пленника не последовало.

Между тем в августе 1813 г. о том, что в Могилеве живет пленный французский «полковник» Пюибюск, который «знает способ печатать на фаянсе и фарфоре не только украшения, но и разные сюжеты», равно как и о том, что о нем доложено министру финансов Гурьеву, от сенатора и бывшего президента Мануфактур-коллегии И.Я. Аршеневского узнал О.П. Козодавлев⁶. Откуда эта информация попала к Аршеневскому, неизвестно. Возможно, сам Пюибюск, не получивший ответа на свое предложение, продолжал искать контакты с представителями российской власти. Как бы то ни было, 20 августа Козодавлев отнесся напрямую к

могилевскому гражданскому губернатору с просьбой выяснить у Пюибюска, действительно ли ему известно и в какой степени искусство печати на фаянсе и не согласится ли пленник «заняться оным в России». Козодавлев объяснял Толстому важность задачи – технология, которой владел Пюибюск, хотя в России «несколько» известна, но не доведена еще «до надлежащего совершенства» и применение ее на русских фабриках «было бы весьма для них полезно». Министр также просил губернатора «узнать под рукою об образе жизни и поведении сего пленного» и о том, «может ли он быть уволен из Могилева в другую губернию»⁷. Упоминание фаянса и вопрос возможности перевода пленника в другую губернию свидетельствуют, несомненно, о намерении Козодавлева использовать его на фабрике под Киевом. 5 сентября Толстой сообщил в Петербург сведения, полученные от Пюибюска. Пленный объявил, что «Севская фаянсовая фабрика ему принадлежала, что печатание как под, так и на глазури есть его изобретения, в чем имеет привилегию и что может усовершенствовать в составе не уступительно ни в чем агленской». Повторив условия, выдвинутые в апрельском письме, Пюибюск сообщил перечень нужных ему материалов и инструментов, а также заявил о необходимости иметь переводчика, имеющего понятие «до фабрики». В поведении пленного Толстой ничего предосудительного не находил и к «увольнению» в другую губернию препятствий не видел⁸. Подлинник письма Пюибюска к Толстому от 4 сентября и перечень необходимого ему для работы прилагался⁹.

Поскольку в письме Пюибюска говорилось, что основные условия работы в России он уже сформулировал в письме к министру внутренних дел, то Козодавлев, такого письма не получавший, 17 сентября обратился за разъяснениями к Аршеневскому. Сенатор устно ответил, что, по его мнению, речь идет о письме к Гурьеву¹⁰. Очевидно, что это было то самое письмо от 8 апреля, адресованное министру внутренних дел, но направленное Толстым к управляющему Кабинетом. В результате 4 октября Козодавлев направил министру финансов отношение, в котором спрашивал, заключено ли с Пюибюском соглашение о работе в России и имеются ли планы использовать знания пленника на фарфоровых фабриках. В случае отрицательного ответа Козодавлев выражал намерение употребить его секрет на Киево-Межигорской фаянсовой фабрике¹¹.

Но в это время на предложения Пюибюска вдруг неожиданно обратил внимание и сам Гурьев. Почему его реакция на апрельское письмо была столь запоздалой, остается только гадать. Возможно, до него дошли слухи об интересе к пленнику со стороны конкурирующего ведомства и он

решил «прибрать к рукам» носителя ценной технологии. Если это так, то источником информации мог быть либо Толстой, либо Аршеневский. Как бы то ни было, 21 сентября Гурьев обратился к управляющему Министерством полиции С.К. Вязмитинову с просьбой уточнить, где находится Пюибюск, поскольку его «прошению прошло довольно времени». Управляющий Кабинетом писал, что поскольку французский «полковник» просил в обмен на открытие «полезного изобретения» в пользу Императорского фарфорового завода (заметим, что конкретно о нем в апрельском письме не упоминалось) освободить его с сыном из плена, то удостоверившись в ценности обещанных Пюибюском сведений, он, Гурьев, планирует обратиться для окончательного решения вопроса к императору¹².

В ответ же на отношение Козодавлева Гурьев сообщил 12 октября, что состоит в переписке с Вязмитиновым по поводу местонахождения Пюибюска и примет решение после получения от управляющего Министерством полиции ответа¹³. Вязмитинов, между тем, получив запрос Гурьева, сообщил ему 25 сентября, что Пюибюска в списках пленных нет, и обещал выяснить его местонахождение¹⁴. Очевидно, отправив запрос в Могилев и узнав от Толстого о переписке с министром внутренних дел, Вязмитинов в отношении Козодавлеву от 3 ноября 1813 г. напомнил, что могилевский губернатор ждет его решения о Пюибюске¹⁵. Об этом же управляющий Министерством полиции сообщил и Гурьеву¹⁶, который решительно взял инициативу в свои руки и обратился за поддержкой к Вязмитинову. В связи с тем, что неизвестно, можно ли Пюибюску с сыном, «который служит ему помощником» приехать в Петербург, 10 ноября 1813 г. Гурьев предложил Вязмитинову обратиться за разрешением к императору. Мотивируя необходимость вызова пленников в столицу, управляющий Кабинетом подчеркнул, что в эффективности новой технологии хочет удостовериться на практике, а Пюибюск обещал в своем прошении «сделать таковое испытание в самое короткое время»¹⁷. Козодавлеву же Гурьев сообщил, что по поводу организации испытаний изобретения Пюибюска он вошел «с кем следует, в нужное сношение»¹⁸.

Доклад Вязмитинова императору с просьбой разрешить Пюибюску с сыном прибыть из Могилева в Петербург датирован 15 ноября¹⁹. Об отправке этого документа управляющий Министерством полиции в тот же день сообщил министру финансов²⁰.

Но только 20 ноября, «известясь», что Пюибюск по-прежнему находится в Могилеве, Гурьев сообщил Козодавлеву об обращении через Вязмитинова к царю. При этом, очевидно, чтобы подсластить пилюлю, управляющий Кабинетом прибавил, что если опыт печати на фарфоре

окажется удачным, то его можно будет использовать и на Киево-Межигорской фабрике²¹. 10 декабря находившийся тогда во Фрайбурге монарх наложил на докладе Вязмитинова резолюцию: «Исполнить». В Петербурге это решение было получено 30 декабря²². Таким образом, со времени первого письма прошло восемь месяцев, а с момента вмешательства Козавлева – четыре с лишним месяца.

Дальше дело пошло быстрее. 2 января Вязмитинов сообщил Гурьеву о получении императорского решения, а 26 января уже препроводил к нему и самого прибывшего в столицу Пюибюска с сыном²³.

О дальнейшем ходе дела мы узнаем из письма Гурьева к находившемуся при Александре I президенту Придворной конторы графу Н.А. Толстому (брату могилевского губернатора) от 15 марта 1814 г. Из него ясно, что в феврале Пюибюск был допущен к опытам на Императорском фарфоровом заводе. «Сделанные им оттиски на фарфоре превзошли ожидания. Чистота, с какой отпечатывает он на фарфоре всякого рода пейзажи и лица, ни малейшее не уступает печатным на бумаге. Сколько известно доселе, произведены многие испытания сего искусства в Англии, но не с таковым успехом. В верности же опыта, Пюибюском сделанного, убеждены многие здешние художники». Понятно, что заполучить технологию лучше английской было делом чрезвычайно заманчивым. К тому же ее использование сулило немалые выгоды – отделка сервиза, по мнению Гурьева, могла сократиться с нескольких недель до нескольких часов, и он считал своим долгом «употребить все... способы воспользоваться сим секретом». Поэтому управляющий кабинетом просил Толстого найти подходящий момент и исходатайствовать разрешение государя на освобождение Пюибюска из плена вместе с сыном (который служил в вестфальских войсках, был ранен и «по слабому его здоровью совсем не способен к продолжению воинской службы»). В качестве подтверждения условий, на которых Пюибюск готов предложить российскому правительству свои услуги, Гурьев прилагал адресованное на его имя письмо пленника²⁴.

Однако военно-политическая ситуация к этому моменту радикально переменялась. Война заканчивалась, и вопрос об освобождении пленных без всяких условий был уже решен. Поэтому менять секрет, обладание которым могло принести немалый доход, на освобождение смысла уже не имело.

Тем не менее «собственно его изобретения» секрет печатания на фарфоре Пюибюск в пользу императорского завода открыл. Об этом Гурьев сообщил Вязмитинову 14 мая 1814 г. и просил отъезжающему в свое отечество «на сих днях» «полковнику» разрешить двигаться через Могилев

(где у него оставались некие неоконченные дела) и Радзивиллов. Пюибюска сопровождал сын, «который участвовал в работах его на здешнем фарфоровом заводе», и служитель Пилард²⁵. Следовательно, можно было бы предполагать, что вопрос об условиях передачи секрета был уже как-то урегулирован.

В тот же день Гурьев предложил Кабинету его императорского величества ряд мер по внедрению переданной Пюибюском технологии в производство. Управляющий считал необходимым учредить для печатания на фарфоре отдельную мастерскую. Секрет печатания вверялся служившему при заводе химику В. Воинову, который должен был готовить краски, обжигать готовые изделия и отвечать за их отделку. За эти готовые вещи, как и за другие, ему причитался один процент их стоимости. При этом Воинова следовало обязать присягой содержать секрет печати по фарфору «в совершенной тайне». Прочие работники на новое производство определялись из мастеровых завода, им назначалось «пристойное содержание» или «задельная плата», утверждавшееся Кабинетом. Общий надзор за производством (за исключением секрета) и подбором кадров возлагался на хозяйственного инспектора завода. Поскольку новая технология предполагала заметное увеличение объемов производства, то для изготовления «белой посуды» нужно было построить четвертый горн. Отдельным пунктом оговаривался отпуск из Кабинета в контору завода заимообразно 4 500 руб. на проезд Пюибюска до Парижа. Употребленные на его содержание (с сыном и денщиком) и «экипировку» 5 600 руб. также зачислялись в расход по заводу и их предполагалось возместить за счет доходов от новой мастерской²⁶. В итоге Кабинет предписал возместить за счет доходов мастерской обе суммы²⁷. Распоряжение об отпуске из Кабинета 4 500 руб. датировано 15 мая 1814 г.²⁸ Отдельное письмо 15 мая Гурьев направил и управляющему радзивилловской таможенной с просьбой обеспечить безостановочный проезд Пюибюска за границу²⁹.

О значимости, которую Гурьев придавал нововведению на фарфоровом заводе, сделанном благодаря Пюибюску, свидетельствуют два рекомендательных письма, которые он дал бывшему пленному. Одно из них было адресовано президенту Придворной конторы Н.А. Толстому, другое статс-секретарю К.В. Нессельроде (оба они находились за границей при императоре). В письме к Толстому о Пюибюске говорилось: «Он секрет свой печатания на фарфоре ныне в знак усердия своего и признательности к государю императору за благодеяния, коими он пользовался во время пребывания своего в России, открыл на Санкт-петербургском императорском фарфоровом заводе без всякого возмездия». По мнению

Гурьева, «искусство сие принесет выгоды неисчислимые и без всякого сомнения в самое короткое время обогатит здешнее заведение». Туманные же «благотворения» в качестве платы за эти выгоды производят странное впечатление. Еще более оно усиливается оттого, что в качестве основания для освобождения Пюибюска называлось «общее высочайшее разрешение плена». И при всем этом Гурьев просил Толстого при возможности представить пленного «полковника» государю лично «и исходатайствовать всемилостивейшее к нему благоволение», ибо «поистине пожертвование, им сделанное в пользу фарфорового завода заслуживает особенной милости государя»³⁰. О том, что Пюибюск «по всей справедливости заслуживает всемилостивейшего внимания государя императора», Гурьев пишет и в рекомендательном письме к Несельроде, которого тоже просит «обратить внимание царя» на бывшего пленника³¹.

Таким образом Гурьев настойчиво намекал на выплату Пюибюску вознаграждения за переданный секрет, который мог быть получен практически бесплатно, прояви сам управляющий Кабинетом минимальную расторопность.

Итак, технология печатания по фарфору оказалась передана находящемуся в ведении Гурьева Императорскому фарфоровому заводу. Однако прошло немного времени, и интерес к ней вновь проявил Козодавлев. В отношении 25 сентября 1815 г. к Гурьеву он сообщил, что находящийся в Англии доктор И.Х. Гамель, собиравший сведения о всевозможных технических новинках, в 1814 г. прислал описание, рисунки и образцы печати по фаянсу, которая использовалась на английских фабриках. Сведения эти были переданы министром внутренних дел на Киево-Межигорскую фаянсовую фабрику, где подобные опыты делались с 1811 г., были там использованы и способствовали усовершенствованию технологии. Теперь же, учитывая успех в этой области фарфорового завода и то, что «способы французских мануфактур... как известно далеко превосходят английские во всех химических искусствах», Козодавлев хотел «сличить присланное от Гамеля описание способа печатать по фаянсу с производством, употребляемым на здешнем фарфоровом заводе и таковым сличением исправить некоторые недостатки первого». Министр внутренних дел просил в связи с этим сообщить на Киево-Межигорскую фаянсовую фабрику «подробное описание способа печатать на посуде по наставлениям Пюибюска». Желая как-то подкрепить свои права на эту информацию, Козодавлев позволил себе напомнить при этом, что Пюибюск адресовался сперва со своим предложением к нему. Но с учетом того, что технология француза якобы больше относилась к фарфору, он, Козодавлев,

сам будто бы препроводил к Гурьеву его предложения. Впрочем, несмотря на эти реверансы (не вполне согласующиеся с приведенными выше документами), надежды министра внутренних дел на то, что его коллега «по известному расположению... способствовать пользам государственным» не откажется «и в данном случае содействовать усовершенствованию столь полезного заведения», тем более что фабрика под Киевом тоже принадлежит казне, не оправдались. Не помогло и обещание Козодавлева сохранить секрет в тайне³².

В ответе от 11 октября 1815 г. управляющий Кабинетом заявил, что, по удостоверению самого Пюибюска, его технология больше подходит к фарфору, и в применении к фаянсу требует особых сведений, которых пленник не сообщил. Кроме того, секрет был открыт с высочайшей воли в пользу фарфорового завода, за что французу выдано из Кабинета более 40 тыс. руб. Исходя из этого, передачу секрета без соизволения царя Гурьев считал невозможной³³.

О необходимости доставления денег, – немалой суммы в 50 тыс. руб., – которые якобы были пожалованы ему императором, Пюибюск писал управляющему Кабинетом из Парижа 12 ноября 1814 г. Правда, Гурьев 12 января 1815 г. ответил, что высочайшего повеления о выдаче бывшему пленнику такой суммы он не имеет³⁴. Можно предположить, что деньги были обещаны во время проезда Пюибюска через Главную квартиру и пересланы позднее, между январем и октябрём 1815 г. Это побудило нас обратиться к данным о выплатах из Кабинета единовременных сумм, предназначенных «разным местам и лицам». И правда, 31 июля 1815 г. Пюибюску, «графу, французскому кригс-комиссару в вознаграждение за пользу, принесенную им Императорским фарфоровым фабрикам единовременно» было отпущено 30 тыс. франков (в перечете на российские деньги 32 500 руб.). Деньги эти были выданы через Министерство финансов, с последующей компенсацией за счет принадлежащих Кабинету сумм³⁵. Присланная бывшему пленнику сумма вместе с деньгами, отпущенными на содержание в Петербурге и на обратную дорогу, составляет, действительно, более 40 тыс. руб., как и писал Гурьев Козодавлеву. Более того, 5 августа 1815 г. Пюибюск был награжден орденом Св. Анны 2-й степени³⁶.

Надо сказать, что контакты Пюибюска и Гурьева с отъездом пленника на родину не прервались. Именно в ходе их переписки наполеоновский военный комиссар и напомнил управляющему Кабинетом царя о пожалованных ему Александром I деньгах. Уже 27 августа 1814 г. Пюибюск направил Гурьеву письмо, в котором предложил свои услуги по «прииска-

нию «артистов», необходимых Императорскому фарфоровому заводу. В ответном письме от 30 ноября 1814 г. Гурьев назвал специалистов, в которых нуждался завод, и Пюибюск занялся подбором кадров. Прошел почти год и двумя письмами от 25 сентября 1815 г. бывший пленник сообщил о «приискании» четырех «артистов». А вместе с письмами 30 сентября и 3 октября российский генеральный консул в Париже прислал заключенные с этими специалистами контракты. 19 ноября 1815 г. датировано благодарственное письмо Гурьева Пюибюску³⁷. Речь шла о живописце Швебахе (Свебахе), составщике массы фарфора и эмали Лоделе, мастере по золочению Моро и модельмейстере Давиньоне. 30 ноября 1815 г. заключенные с ними контракты Гурьев представил Кабинету³⁸.

О заключении контрактов и о посредничестве Пюибюска Гурьев донес императору, напомнив, что бывший пленный француз известен его величеству «по сделанному в пользу того завода открытию печатания на фарфоре», и отметил, что его стараниями «артисты» законтрактованы на четыре года «из числа отличнейших на Севрской мануфактуре». Согласно контрактам, каждый из мастеров обязывался по своей части иметь главный надзор за производством работ, «стараясь доводить оные до совершенства». Годовое жалование живописца составляло 4 000 франков, составщика массы – 3 000 франков, двух других мастеров – по 1 500 франков. Оно выдавалось ассигнациями по курсу на день оплаты. Кроме того, им предоставлялась казенная квартира с отоплением и оплачивался проезд в Россию (по 3 000 франков на человека) и по завершении контракта на родину. В конце 1815 г. все четверо специалистов прибыли в Россию. Для них были куплены краски и другие необходимые принадлежности (на 8 500 франков), что вместе с 12 000 франков на проезд составило 22 255 руб. Покупка двух домов обошлась 16 700 руб., а их меблировка еще в 4 750 руб. Резолюцией от 4 марта 1816 г. Александр I одобрил действия и предложения Гурьева, который выражал надежду, что найм французских мастеров послужит «к скорейшему усовершенствованию завода»³⁹.

Вскоре, 12 июня 1816 г., Гурьев сообщил Кабинету высочайше подтвержденное положение об управлении фарфоровым заводом. Должность ремесленного инспектора, которому были подчинены все мастерские и персонал завода, возлагалась отныне на Свебаха, который оставался и начальником живописной мастерской⁴⁰. Свебах оставил службу на заводе после окончания срока контракта в 1820 г., Лодель в 1817 г., а контракты с Давиньоном и Моро после их окончания были возобновлены. В 1825 г. они на время были отпущены в Париж, но затем вернулись

в Россию, причем Моро привез с собой некоторые купленные по поручению Кабинета для завода вещи⁴¹.

Кроме посредничества в подборе кадров, в 1816 г. через Пюиобюска из Парижа выписывались краски⁴², а за какие-то услуги в 1817 г. Пюиобюску из остаточного казначейства было выдано 2 000 и 1 500 франков, что составляло по курсу 3 200 руб. 08 коп. Деньги эти следовало вернуть за счет доходов фарфорового завода⁴³.

Прямых данных о результатах применения переданной Пюиобюском технологии и функционировании печатной мастерской на фарфоровом заводе в нашем распоряжении нет. Но о неудаче этого предприятия позволяет судить тот факт, что 5 октября 1818 г. директор завода обратился в Кабинет с просьбой о списании числящегося на печатной мастерской долга в 10 100 руб. за пребывание Пюиобюска с сыном в Петербурге и проезд их за границу. К выплате этой относительно небольшой суммы мастерская так и не приступила и уплаты ее было «ожидать неоткуда», ибо «по причине малозначущей продажи печатных вещей действие сей мастерской уменьшено и потому прибыли от оной ожидать в полной мере нельзя»⁴⁴. В итоге Кабинет решил сложить с завода этот долг, а заодно и заплатить казначейству заводской долг в 3 200 руб. 08 коп., выплаченных Пюиобюску в 1817 г.⁴⁵

Подводя итоги этой необычной истории, отметим, что российские власти в 1813–1814 гг. проявили себя крайне неэффективно. Из-за конкуренции ведомств и бюрократических проволочек за технологию, которую Россия могла получить практически даром, пришлось заплатить немалую сумму. Та же ведомственная конкуренция ограничила область ее использования лишь одним Императорским фарфоровым заводом, хотя опыт у Пюиобюска был прежде всего в области производства фаянсовой посуды. Более того, зная об интересе к новой технологии со стороны Министерства внутренних дел, Гурьев не договорился о передаче тех ее нюансов, которые обеспечивали бы ее использование на фаянсовой фабрике. Из-за медленного принятия властями решений, времени на передачу технологии, ее внедрение под руководством самого автора изобретения и оценку первых результатов оказалось слишком мало. Возможно, что именно в этом и кроется одна из причин неудачи всего предприятия. Более успешным оказалось использование Пюиобюска в качестве посредника при подборе кадров для фарфорового завода. Впрочем, привлечение французских мастеров к радикальным переменам на заводе тоже не привело⁴⁶.

И еще одно обстоятельство. Пюиобюск — мемуарист, автор двухтомных воспоминаний и тома писем, посвященных походу 1812 г. и пребы-

ванию в плену. Так вот. О фарфоровой истории ни в письмах, ни в воспоминаниях нет ни слова, и его поездка в Петербург выглядит совершенно немотивированной⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Миловидов Б.П.* Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительств, политики // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2011. С. 163–190; *Земцов В.Н.* Военнопленные армии Наполеона на уральских заводах, или история о том, как русские дважды наступили на одни и те же грабли // Французский ежегодник, 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 101–114.

² *Попов А.И.* Обзор мемуаров, дневников и писем военнопленных Великой армии, побывавших в России в 1812–1814 гг. // Военнопленные армии Наполеона в России, 1806–1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 562.

³ РГИА Ф. 468. Оп. 39. Д. 85. Л. 2–3об.

⁴ *Slitine F.* «Sèvres» mais pas «Manufacture de Sèvres» // Sèvres. 2003. № 12. P. 71–83; Basa sygnatur porcelany // <http://www.s24.porcelainzone.com/index.php?opcja=SYGNATURY&kraj=9®ion=154&miasto=969> (дата обращения: 30.11.2017).

⁵ РГИА Ф. 468. Оп. 39. Д. 85. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 423. Л. 126 Б., 132.

⁷ Там же. Л. 127.

⁸ Там же. Л. 128.

⁹ Там же. Л. 129–131.

¹⁰ Там же. Л. 132, 133.

¹¹ Там же. Л. 134.

¹² Там же. Ф. 468. Оп. 39. Д. 85. Л. 5.

¹³ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 423. Л. 135.

¹⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 39. Д. 85. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 423. Л. 136

¹⁶ Там же. Ф. 468. Оп. 39. Д. 85. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 10–11.

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ Там же. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 97. Л. 1.

²⁰ Там же. Ф. 468. Оп. 39. Д. 85. Л. 13

²¹ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 423. Л. 137

²² Там же. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 97. Л. 1.

- ²³ Там же. Ф. 468. Оп. 39. Д. 85. Л. 16, 17.
- ²⁴ Там же. Л. 19–20.
- ²⁵ Там же. Л. 21–22.
- ²⁶ Там же. Л. 23–24.
- ²⁷ Там же. Оп. 10. Д. 46. Л. 4.
- ²⁸ Там же. Оп. 39. Д. 85. Л. 26.
- ²⁹ Там же. Л. 31.
- ³⁰ Там же. Л. 27–28.
- ³¹ Там же. Л. 29–30.
- ³² Там же. Л. 34–35.
- ³³ Там же. Л. 36.
- ³⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 10. Д. 57. Л. 4, 11–12 об.
- ³⁵ Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 462. Л. 73 об.
- ³⁶ Список кавалерам императорских российских орденов всех наименований на лето от Р. Х. 1827. СПб., 1828. Ч. 3. С. 120.
- ³⁷ РГИА Ф. 468. Оп. 10. Д. 57. Л. 4 с об.
- ³⁸ Там же. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Л. 61–62.
- ⁴⁰ Там же. Л. 67, 69.
- ⁴¹ *Вольф Н.Б.* Императорский фарфоровый завод, 1744–1904. СПб., 1906. С. 124
- ⁴² Там же. С. 135
- ⁴³ РГИА Ф. 468. Оп. 10. Д. 46. Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Л. 6.
- ⁴⁵ Там же. Л. 8 об.
- ⁴⁶ *Вольф Н.Б.* Указ. соч. С. 134, 136, 137, 139.
- ⁴⁷ *Puybusque L.G.* Lettres sur la guerre de Russie en 1812, sur la ville de Saint-Petersbourg, les moeurs et les usages des habitans de la Russie et de la Pologne. P., 1816; 2-m ed., augm. et cor. P., 1817; *Puybusque L.G.* Souvenirs d'un invalide. P., 1841. Vol. 1–2.